

Дневник 1973 года

Дневник 1973 года был начат в вагоне поезда, с описания моих проводов на Ярославском вокзале города Москвы в черновой тетради, где сохранился на двух вырванных листах (3-х страницах). Продолжение дневника (его основная часть) относится к путешествию по Большой Ерёме, а конец, несколько строчек в записной книжке, это всего лишь эпизод в вагоне поезда, при возвращении домой.

В 1973 году, мне казалось, что я основательно подготовился к путешествию и поэтому из Москвы захватил с собой достаточное количество продуктов и даже «минифотолабораторию». Она включала в себя стереофотоаппарат, бачки для проявки фотоплёнки, более 20 пачек универсального проявителя и фиксажа, приспособление для контактной печати стереоснимков и фотобумагу. Поэтому первую часть пути до Иркутска я решил преодолеть на поезде.

13.06.1973

Перрон Ярославского вокзала. До отхода поезда – 15 минут. Рюкзак и увесистые картонные ящики наконец-то погружены. Стоим с Сашей (*Денисовым*) и ждём Мишу (*Селиванова*), которого снарядили за шампанским. Но раньше Миши появился Саша Перов. Восторги встречи сменились дружескими пожеланиями вроде, «чтоб меня волки съели, если им что-нибудь оставят комары. Тем временем подоспевает Миша, популярно объясняет, что шампанское кончилось, но чтобы не расстраивать публику болгарский «Мискет» продают по цене лучших шампанских вин. В вагоне Перову, как не пьющему, даже сухие вина, налили из термоса кофе. Бутылку же в два приёма раздавили за упокой души непутёвого Константина. Причём покойник порывался произнести речь, но т.к. поезд должен был вот-вот тронуться, решили отложить это мероприятие до следующего года. В оставшиеся несколько минут Миша не терял зря времени, т.к. найдя, что проводник очень милая девушка, решил проводить её до Иркутска, но, вспомнив, что забыл плащ и валенки, передумал, т.к. забота о своём здоровье у него превыше всего. Тогда он передал меня ей, слёзно попросив не забывать поить меня в пути чаем и не обижать. Поезд тронулся. Высунувшись из окна, я долго махал оставшимся на перроне ребятам кепкой, смахнув пыль не с одной электрической опоры. К счастью ни одной не погнул...

13.06.1973 - 17.06.1973

Продолжительное, можно сказать круглосуточное ухаживание за проводницей Настей. Это было не лишённое взаимности времяпровождение, своего рода «вагонно-дорожный роман».

Следует отметить, что дальше долгих поцелуев и «серьёзных разговоров» дело не дошло, потому, что я не скрывал в конце пути в отношении её серьёзных намерений и, судя по сохранившемуся черновику письма, был настроен очень решительно, изменить жизнь к лучшему, правда, без отказа от своих «вредных» привычек».

23.06.1973

Выехали около 12 часов московского времени. Костя Юрьев подбросил меня до порога Ворон 30 км вверх по Б.Ерёме. В 17 км от устья, на левом берегу в 500 метрах от развалин обогатительной фабрики, разглядел зимовьё, которое умудрился пройти мимо в 1972 году. Ворон взяли берегом, т.е. перетащили лодку

на плечах с одним из рыбаков, которых мы с Костей там встретили. Далее, дай Бог, прошёл 10 км на вёслах, *в том числе* два порога и одну шиверу. Около трёх часов (МВ) пошёл маленький грибной дождичек, немного подмочил *вещи*. Через каждые полчаса приходилось вычёрпывать воду из лодки – течёт по страшному. Шиверу и последний пережат брал волоком (*по берегу*). Время, пройденное до порогов и шивер, буду отмечать на обратном пути.

23.06.1973

Выехал около трёх (МВ). Через час показался порог (*Евкит*), рядом с которым, на правом берегу было зимовьё, то самое, в котором я хотел переночевать в прошлом году, но не смог перейти реку в брод. Около 6 часов достиг порога Евкит (*на самом деле Бура*), который представляет собой остров, делящий реку на две протоки – правая шире левой, но зато левая более проходима (*для проводки лодки*). Длина порога 500-600 метров, может меньше. Первый каскад преодолел, разгрузив лодку волоком по берегу. Когда вытащил лодку на берег, решил поспиннинговать. Утром у одного порога щучара откусила мою единственную блесну с грузилом. Так как грузила у меня не было, я намотал на леску кусок алюминиевой проволоки, привязал якорь (*крючок-тройник*), один из тех, которые мне дал *в запас* Костя, а вместо блесны приладил кусок *вчетверо сложенной* алюминиевой фольги. На эту снасть выволок (*бегом, не ослабляя лески, вверх по берегу*) щуку около 2 кг. Теперь же и у этого порога, ту же снасть, решил опробовать снова. Через несколько минут выволок на берег килограммового окуня. Ловлю пришлось прекратить, т.к. снова щучара проглотила «блесну», а новую делать не хотелось, ещё *и* потому, что в котелке лежало, ещё не съеденной, сваренной *в нём*, полщуки. После того как преодолел волоком *весь* порог, я стал продвигаться вдоль левого берега и вдруг около 7 часов 7 минут (МВ) от *этого* берега с шипением и свистом что-то понеслось на расстоянии 15-20 метров по курсу *управляемой мной* лодки. Сначала я подумал утка, но тут это что-то остановилось, раскрутилось на месте, вспенив воду *и* вспучив её так, что образовался двухметрового диаметра купол и в метр высотой. Пенный купол с тем же свистом, как и поднялся, также *и* спал (*опустился*). Когда появился купол, я сначала подумал, что кто-то вздумал глушить рыбу и замер в ожидании взрыва, но купол осел и меня лишь обдало лёгким порывом ветра, и этот как я предположил смерчь, пронёсся *дальше* через центр большой протоки порога Евкита (*на самом деле Бура*), оставив за собой узкую пенную дорожку. Я вышел из лодки, так как с первых секунд инстинктивно толкнул лодку к берегу и ухватился за куст, не забыв при этом взглянуть на часы и отметить время. Примерно в том месте, откуда пронёсся смерчь, я обнаружил зигзагообразную промоину, которая вероятно послужила причиной образования подобного явления. Длина промоины была около 4 метров. На берегу были видны следы сапог и копыт. Чёрт шутит, - подумал я, усмехнувшись, хотя на душе было совсем невесело. Погода стояла солнечная с редкими порывами ветра. Интересное и вероятно очень редкое явление, оставило после себя неприятное впечатление. Если бы я не поспиннинговал, то вероятно угодил бы в центр этого смерча и на своей шкуре почувствовал бы его мощь. Явление продолжалось 10-15 секунд, может больше, так как я, как загипнотизированный наблюдал весь этот процесс. Думал, что в этот день достигну Усть-Чайки, но не тут-то было.

25.06.1973

Выехал около 4 часов (МВ). Через 1,5 часа достиг порога. На левом берегу стояло зимовьё, которое я прошёл мимо в прошлом году, *так его и* не заметив. Думал

остановиться в нём, т.к. в Усть-Чайке не нашёл бы такого комфорта. Но, зная, что до Усть-Чайки от этого зимовья 9-15 км, решил плыть далее, чтобы заночевать в нём на обратном пути. Порог сам прошёл волоком. Ох уж эти последние километры. За каждым поворотом чудится гора с залысиной, рядом с которой обосновался этот посёлок, сгоревший от одной спички в 50-х годах. *Там теперь* осталось всего несколько изб. *Но прошло*, где-то *ещё* около часа, когда я всё-таки достиг его. Здесь уже обосновалась иркутская экспедиция, а я обосновался в (*единственно свободной там*) бане. Затопил её, обдымокурил и всё равно, не смотря на деду (*средство от комаров*), ночью чуть не сожрали комары.

26.06.73 г. решил сделать днём отдыха – заняться просушкой подмоченных продуктов и фотографированием местности, т.к. на обратном пути ночевать здесь не буду.

Отдельные записи:

...В Усть-Чайке в настоящее время в сносом состоянии 3 избы, баня и лабаз. Есть несколько землянок, сохранивших внешний настил. Жить в этих землянках нельзя, так в них пол практически превратился в болото.

...За всё время пребывания в Усть-Чайке иронизировал: «Живу, как герой «Шведской спички», в бане, нет только любви на закуску».

Часто навещали геологи, с которыми сложились неплохие отношения. Кормили они меня, кто карасями, кто грибами. Я же угощал концентратами, чаем, конфетами, чего у меня было предостаточно - не было только энтузиазма плыть дальше.

Главным была даже не усталость, а то, что мне было трудно определять местонахождение тех зимовий, в которых я рассчитывал останавливаться для отдыха, потому что даже приблизительно оценивать пройденное вверх по реке расстояние я, за неимением подробной карты, никак не мог. Даже порог Евкит принял за Бур, что говорить о более мелких порогах и притоках Большой Ерёмы, с которыми я кое-как разобрался только в конце путешествия. Нужных мне карт, к моему большому сожалению, у геологов, с которыми я познакомился в Усть-Чайке, не было, а то, что они мне могли подсказать по памяти, было полностью непригодной для путешествия информацией.

26.06.1973 - 29.06.1973

Пережидал дожди, конопатил лодку, делал редкие вылазки на Большую Чайку, фотографировал и проявлял плёнку. Не всё получилось.

Впервые попробовал варёной лосятины. Сидели мы с одним из рабочих геологической партии у костра, и наша беседа напоминала разговор двух сумасшедших. С костра было снято ведро, в котором варилась дичь. Из него «геолог» вытащил два больших куска мяса, и один из кусков передал мне. Мясо было на костях, так что, держась двумя руками за кости, мы как два троглодита, приступили к трапезе. Причмокнув, геолог, перед, тем как начать есть, сказал:

- Всё тут хорошо у нас, жалко только, что мясо не продают.

От неожиданности, я уже пережевывающий первый кусок мяса, поперхнулся от смеха, и, откашливаясь со слезами на глазах, тыча в него мясом, силится спросить, так чтобы он меня правильно понял:

- А, это что, рыба?

- Да, нет, я не о сохатине говорю, а о говядине, - тоже еле сдерживая смех, ответил «геолог» и подошедшие к нам его коллеги, когда им объяснили причину

нашего смеха, отреагировали так же, как и все нормальные люди на очередной новый анекдот.

30.06.1973 года

Выехал около 7 часов. Шёл в бесконечных извилах Б.Ерёмы. Повороты с песчаными пляжами чередовались один за другим. В некоторых местах приходилось вылезать из лодки, чтобы тянуть её на бечеве. Надежды, что пройду до Кирикана, не было. Заночевал, как потом выяснилось в 25 минутах плавания от зимовья, т.е. примерно в 1 км.

1. 07.1973 – 2.07.1973

Переждал дожди. Вторая половина дня 2 июля была на редкость хорошая. Сделал вылазку на ближайшее озеро. Фотографировал, проявлял, печатал. Кое-что получилось. Изба была на редкость с комарами, выжить которых не было возможности. В избе на бревне было написано: «Был Манго А.П., искал Чайку». Хотелось написать рядом: «Был Костя, искал метеорит».

3. 07.1973

Выехал около 6 часов. Взял неплохой темп, так что около 15 часов достиг Кирикана. Избы отмеченной Иваном Евсеевичем не оказалось. Думал, что может она, находится у другой безымянной речушки в ~ 9 км, поплыл к ней. Около 18 часов в окрестностях этой речушки никакого жилья не обнаружил. Остановился на ночлег на косе заросшей мелким кустарником, предварительно *расчистив* (вырубив) их вокруг *своей стоянки*. Натаскал *туда* от подножья небольшой пообгоревшей горки поваленные, уже тронутые огнём, стволы деревьев и развёл костёр.

4. 07.1973

Выехал около 6 часов. Всмотриваюсь, всё время в левый берег. Где же изба? Как сквозь землю провалилась. Отмечаю своё местонахождение, фотографирую. Около 15 часов у небольшого порога, на левом берегу, заметил дым. Думал, может, встречу с Иваном Евсеевичем, чем Чёрт не шутит. Приблизившись, увидел, что дымится пень. Невдалеке обглоданные деревья (со снятой корой) и на шесте сушатся, развешанные, как мне показалось, шкурки. Около костра сутились люди, не обращая на мою лодку никакого внимания. В небольшом плёсике, подхваченный водоворотом, крутился плот. Причалил к правому берегу. Выходить не хотелось. Думая, что на берегу находятся «отпускники», занятые заготовкой даров Сибири, решил им не мешать. Вычерпав воду, тронулся дальше.

Обратим внимание на этот наглядный пример, того, как реагируют люди на то, что происходит перед их самым носом. Представим их возможными очевидцами аномального явления, которым по воле случая, я оказался сам. Так, чтобы они рассказали или вспомнили о явлении Константина Коханова в их лагерь, спустя несколько лет, даже при допросе следственными органами. Да, ровным счётом, ничего, что было до моего у них неожиданного появления. Я почти полчаса находился на виду трёх человек, сутившихся около своей палатки, но ни один из них в это время ни разу не посмотрел в сторону реки.

В 1,5 – 2 км за небольшим перекатом увидел зимовьё. Причалил у доски воткнутой у берега. На ней была переписка Манго с геологом Овсянниковым,

которые никак не могли встретиться. В зимовье нашёл записку: «Манго! Встали 2-4 км ниже этого зимовья. Жаль, что днём не дождались. Прибывай к нам, если я тебя не захвачу на Кирикани. С приветом Овсянников».

Встал сам собой вопрос, что с Манго А.П.? Не смотря на усталость, нужно было идти выяснять положение дел. *Теперь* мой путь к геологам проходил по берегу. Легко перепрыгнув ручей, который впадал в речку в метрах 100 от избы, я пошёл еле заметной тропкой к уже пройденному маленькому порогу. При подходе к нему я заметил пасущихся там оленей. Теперь было ясно, что Овсянников встретился с Манго в Кирикани. Можно было возвращаться, но любопытство, преподлейшая вещь, толкнуло меня идти дальше. Перейдя ручей в 20 – 30 метрах от палатки, я подошёл к трём геологам. Первым делом поинтересовался, кто из них Овсянников. Традиционное представление, расспросы, - откуда и как, удивление, вполне искреннее: «Как, туристы уже появились здесь, а не только на Саянах!».

И ещё большое удивление вызвало то, что я плыву против течения, и уже проплыл мимо их стоянки.

Объясняю цель своего путешествия, что-то говорю о Тунгусском метеорите, о настоящем положении дел при его изучении.

- А вот и сам Манго! – представляют мне каюра.

- Тогда всё в порядке, - облегчённо вздыхаю я, и остаюсь у них обедать.

Рассказываю ещё раз Манго о его записке и о своих умозаключениях. Кстати Манго был в этой избушке в мае. Вот так и рушится строгая последовательность невозмутимой логики.

А было всё так. Первого июля я был в зимовье где-то в 20 км от Усть-Чайки. Манго там уже не было. Не встретил я его и по пути к зимовью. Решил идти к геологам. Захватив с собою немного концентратов, чай, банку паштета, не разгружая лодки, пошёл интересоваться, что с Манго. Их было трое. Как выяснилось, один и был тем самым *Анатолием* Манго, которого Овсянников встретил всё-таки на Кирикани. Теперь мне стало ясно, откуда там взялась привязанная к колу дюралевая лодка без подвесного мотора. Геологи были очень гостеприимны, всё интересовались, что мне не хватает из продуктов, всё старались что-нибудь всучить. От всего отказывался, но всё-таки взял копчёной рыбы. Это её коптили в коптильне, которую я принял за пень, а на шесте висели не шкурки, а вялилась рыба.

Обещал к ним наведаться завтра снова. *Когда* заморосил дождь, пошёл обратно. Разгрузил лодку. Дождь всё усиливался и, наконец, изба потекла. Интересно *было* понять, почему почти вся кора была сброшена с крыши на землю. Может во время последнего пожара, оставившего вокруг неизгладимые следы, может хозяин решил сделать новую крышу, может..., и так всё может, а изба текла. Перебрался в левый угол, где ещё на крыше сохранился настил, и кое-как, свернувшись калачиком, так и скоротал всю ночь. Продукты и снаряжение пришлось накрыть п/плёнкой, как будто ночевал под открытым небом.

5.07.1973 - 6. 07.1973

Пережил дожди в зимовье. Ходил в гости к иркутским геологам.

У геолога Овсянникова были карты русла Большой Ерёмы и прилегающих к ней окрестностей от Нижней Тунгуски и села Еремы, почти до Еремакана, включая часть Алтыба, от устья до третьего ручья. Поэтому я воспользовался возможностью перенести на кальку всё, что связано с рекой и частично некоторые фрагменты окрестностей, правда, не так подробно, как в 1972 году окрестности Ванавары с карт московских геоморфологов.

Вода прибыла более чем на метр. Ручей рядом с зимовьём превратился в бурную речку. Ночью пробовал перейти её вброд – было почти по пояс. Сейчас наверно ещё глубже. Вода в реке продолжает прибывать.

7. 07.1973

Выехал около 9-ти. По мере продвижения вперёд течение реки *только* увеличивалось, хотя в этот день я не разу не выходил из лодки *для её волока по берегу или проводки вдоль берега*. Вымотался дальше некуда. Несколько раз разворачивало на перекатах. От бывшей деревни Хомакашево (с берега видна полуразвалившаяся избушка) до зимовья И.Е. было по крайней мере километра 2 – 3, которые *для меня* вышли боком. Поэтому 8 июля решил сделать днём отдыха. Пришёл к неутешительному выводу, что скорость продвижения *вверх по реке* в среднем *была* 2 км/час.

8. 07.1973

Практически я приехал (*приплыл*) к зимовью *Ивана Тимофеевича* в этот же день (*не останавливаясь на ночлег 7 июля*), около 3-х часов местного времени. Решил здесь пообсохнуть и привести в порядок лодку, а также заодно проявить непроявленные (*отснятые в пути*) пленки и попечатаать *фотографии*. Чувствуется усталость. Фотоотпечатки получились плохие, хотя вроде бы негативы удовлетворительные. Что ж, попробую переделать. *Затем* почти весь *оставшийся* день отсыпался, поэтому и 9-ое июля, тоже, решил сделать днём отдыха.

9. 07.1973

Около 11 часов пошёл дождь. После кратковременного грибного дождя конопатил лодку, затем фотографировал *окрестности*. Подозреваю, что качество проявки, портит всё. *Но всё равно*, не смотря на все предосторожности, *опять* получился некачественный негатив. Видно зерно. Отпечатал – все снимки дрянь. Один-два кадра достойны будут снисхождения, если будут отпечатаны на тиснёной бумаге, что же тогда говорить о стереофотоснимках. В последней избушке при подходе к Нерунгне придётся проверить фотоаппарат. Пока поставил диафрагму 11, выдержку 60 и *решил* проверить глубину резкости, начиная с 1,4 до 5,6 метра. Фотографирую избу *Ивана Евсеевича* с расстояния \approx 6 метров.

10. 07.1973

Выехал около 8-ми часов. Плыть было очень трудно – встречный ветер и явно большое течение. Около 12-ти был у Юкты, вошёл в неё на метров 100, чтобы убедиться, что это река, а не ручей, разлившийся после дождя. По компасу сверился с картой *и определил*, что до реки Нерунгны около 4 км, а где-то в 2 -3 км должна быть изба *Ивана Евсеевича со стороны левого берега*. В 13 часов она показалась примерно там, где я рассчитывал её увидеть, т.к. это место хорошо запомнилось с прошлого года. Вид её на фоне горы был исключительный. Причалил к правому берегу и сфотографировал её, поставив метраж между 4 и 5,6, и только затем переправился на левый берег. Причалил в маленькой бухточке, от которой малоприметная тропка вела к избе. Кругом подстилка из опавших иголок. Около избы, в нескольких метрах от неё, обнаружил остатки (*следы*) костров. Решил всё-таки проверить, что под одним из них. Оказалось те же сосновые иголки и щепы – углей не было. Костры видно были зимними. Разводить на их месте свой не

решился. Поэтому развёл его на берегу, в метрах 40-ка от избы. Сварил впервые за всю поездку картошку (*сухой концентрат пюре*). Она оказалась такой же безвкусной, как и *тогда, когда для пробы, я это пюре сварил*, в Москве. После обеда-ужина проверил фотоаппарат с намеченной дистанции и установленным метражом. После проявки плёнки, на установке 4 и 5,6 негативы получились нерезкими. Теперь мне всё стало ясно. В Усть-Чайке я уронил фотоаппарат, с одного объектива вывалилась его шестерёнка. Когда её вставлял, объективы завернул до упора и видно сбил настройку всего стереофотоаппарата. Что ж осталось ещё 9 катушек плёнки – есть шанс реабилитироваться.

11. 07.1973

Выехал около 6-ти часов. Как вскоре оказалось, река, которую я принял за Юкту-1, была Нерунгной. А та река, которую я проехал (*проплыл*) в 3 – 4 км от избы была Коно. В 11-10 был уже у реки Девано. На правом, противоположном от этой речушке берегу большой Ерёмы, в нескольких десятках метров от берега, полюбовался Урогонским озёром. В 16-30 подошёл к живописному берегу при впадении реки Юкта-2 (выяснить, может ошибочно, я назвал Юктой-1, *первую из рек*). Здесь и переночевал.

12. 07.1973

Выехал в 3-30. Через 3 км на правом берегу реки обнаружил полуразрушенный лабаз. Вышел, попробовал его раскатать. Ничего, не шатается, и видно по всему, хотя он покосился, что ещё постоит с десятков лет. Примерно в 1 - 1,5 км от него прошёл пережат (возможно при малой воде порог), за ним в 0,75 – 1 км увидел лабаз, которого в прошлом году не было, а также отремонтированное зимовьё. Две другие избышки были полуразрушенными, хотя из одной, наверно, выйдет баня, к чему её видно и приспособливают. Зимовьё очень маленькое, скорее всего на 1 человека, вдвоём там уже будет тесновато. Где-то в 11-30 подошёл к порогам, из которых вышел только около 16-ти часов. В шестом часу после устья Алтыба еле заметил признаки геологического посёлка, о котором мне говорил Валера Овсянников. Не мудрено, что в прошлом году, мы его не заметили. Пороги оказались большими. Я их расположил по системе пережат, *считая снизу вверх против течения реки*:

Пережат – 1 порог, 2 порог, 3 порог, 4 порог, 5 порог [1 гребень, 2 гребень, 3 гребень - тах, 4 гребень], 6 порог, 7 порог [4 гребня, 2 гребень- тах] – пережат.

1 и 3 порог - разгружал лодку; 2 и 4 порог – проволол её не разгружая; при подходе к 5 порогу переправился на правый берег, т.к. левый стал обрывистым; 5, 6 и 7 порог волочил лодку, причём в середине шестого порога разгрузил лодку и пронёс свои три ящика и рюкзак 100 – 150 метров и не зря, т.к. в итоге зачерпнул там полную лодку воды.

На пережате перед Алтыбом провалился в промоину почти по подмышки, вылетел из неё как пробка и поволок лодку дальше.

Между 1-ым и 2-ым порогами чувствуется течение, между 2-ым и 3-ем порогами течение быстрее, использовал при подходе почти вплотную противоток.

Между 3 и 4-ым порогами вода прудит. Между 4 и 5 порогами быстрое течение, при переправе между ними боялся, что может снести в 4-ый порог. После 7 порога до пережата вода прудит. Там река напоминает (*похожа на*) высокогорное озеро. Ширина более 100 метров.

После Алтыба чувствуется течение. При подходе к геологическому посёлку течение становится *ещё* быстрее, виден вдаль ещё один порог. Все Алтыбские

пороги гремят (*шумят*), вздыбливая воду на 1 – 1,5 метра на протяжении десятков метров. Зрелище было захватывающее, хотя преодоление этих порогов вымотало меня окончательно.

Дня два решил провести в геологическом посёлке, приводя в порядок лодку и намечая дальнейшие маршруты. Поселок представляет собой три избы. Одна из них уже отремонтирована на половину и используется как зимовьё, вторая в сносном состоянии, уже наверно используется как баня, третья полуразрушена. Изба, в которой я остановился пятистенок с двумя отдельными входами в каждую комнату с наружи избы. По площади она равна примерно четырём двухместным охотничьим зимовьям, которые в этих местах возводятся повсеместно.

13. 07.1973

День отдыха. Проявлял плёнку. Пробовал сделать уборку в избе, удалось наполовину. Лодку вытащил на берег - думаю подконопатить. 14 июля буду изучать окрестности геологического посёлка.

14. 07.1973

Ходил по тропе, идущей от избы, фотографировать пороги. В двух километрах почти у берега обнаружил озерцо, с явно выраженным вокруг него вывалом деревьев. Выше его было болото с уровнем воды, выше уровня в озерце. В то же время уровень воды в озерце был выше уровня воды в реке. Пробовал копать микрошурфы топором. Углублялся максимум на 30 см. Ничего не нашёл, только натёр мозоль посередине ладони на правой руке. Думаю завтра затащить в озерцо лодку, измерить *его* глубину, а также ещё покопать, но только лопатой, которую смастерил сам из *найденного* ковша и палки. Лодку немного подлатал и затопил, *чтобы не разохлась*. Воронку назвал именем Коненкина, который уверял когда-то руководителей КМЕТа, что метеорит упал за Преображенкой.

15. 07.1973

Около 4-х МВ отправился к «Коненкинской воронке». Уточнил расположение избы. Она находится сразу же за вторым поворотом после устья Алтыба. В 5 метрах от тропы к ней, пережат или порог, в зависимости от уровня *воды в Большой Ерёме*. Когда я подплывал к посёлку, это был пережат, сейчас это явно порог. Течение усилилось и *уже* чувствуется, как сильно упал уровень воды в реке. При подходе к Алтыбу решил сфотографировать *его* устье.

Завтра намечаю подъём по Алтыбу вверх километров на пять. Нужно оценить, что представляет собой эта река. Пережат в \approx 1 км от Алтыба стал более ребристым, но всё ещё не представляет собой порога. Прошёл затёс, который я оставил в конце тропы, идущей к этому пережату. Наконец, подплыл к затёсу, который я поставил на подходе к «Коненкинской воронке». На берегу я в последствии обнаружил квадратный выруб на лиственнице и места стоянок.

На этот раз я не брал с собой ничего, кроме лопаты, топора и ящика в качестве сиденья. Из продуктов захватил *с собой* пачку галет, югославскую колбасу в банке, которую потом привёз обратно *в избу* и несколько конфет.

«Югославская колбаса» это был «колбасный фарш» в 200-граммовой банке. Когда я готовился к путешествию, то купил 30 банок этой «колбасы» и 30 банок такого же веса «чешского печёночного паштета», из расчёта, что две банки в день должно было хватить на месяц. Но после третьей банки «паштета» и пятой

банки «колбасы», я понял из-за сильной изжоги, что эти мясные консервы, не что иное, как просто балласт, который жалко выбросить.

Предстояло затащить лодку в «Коненкинскую воронку» по берегу, что-то метров 15 – 20- Это не представляло особых хлопот. Затащив в «воронку» лодку, промерил глубину. В среднем метр. Пробовал нащупать что-нибудь на дне веслом. Дно не топкое. Только при сильном нажиме весло входило в грунт. Обнаружил твёрдые образования. Разделся. Вытащил недалеко от берега обгоревший кусок дерева. В другом месте наткнулся на ствол. Больше купаться не хотелось. Произвёл обмер воронки и фотосъёмку с различных точек, даже с двух наклонённых в верхнее болото лиственниц. Поднялся метров на 10 – 12. На том, после обхода верхнего болота, работы прекратил.

Вокруг «воронки» много бессистемно поваленных стволов деревьев, полусгнивших и покрытых мхом.

Вернулся около 10 часов МВ. Решил сходить поизучать окрестности. Взял спиннинг. Оказывается, посёлок не ограничивался этими тремя избами. Я обнаружил ещё пять полуразрушенных *построек*. Две, по крайней мере, намного превосходили ту, в которой я остановился. Две были примерно такой же величины. Также нашёл пару полуразрушенных землянок и две те самые *избушки*, которые я в прошлом году принял, *точнее, подумал, что они старательские* одноместки. Кругом остались поленницы с заготовленными дровами. Наткнулся на тропу с затёсами. Шёл по ней в гору и затем по её гребню около часа, пока не затерялись затёсы. Повернул обратно «спиннинговать». У порога поймал пару щук. Одну весом около 1 кг, другую около трёх. Большую зажарил, обернув предварительно в фольгу, а маленькую бросил в уже сваренный суп и переварил его заново.

16. 07.1973

Выехал около 4-х часов. Произвёл экскурсию на реку Алтыб. Сразу через 0,5 км *от устья* наткнулся на порог. Протащил по нему с 1 км лодку, затем оставив её там, пошёл по левому берегу пешком до первого ручья, который впадает в Алтыб примерно в 5 км от устья. Практически не доходя $\approx 0,5$ км до ручья, река представляет на этом участке сплошной порог. В начале от устья гребни *волн* чередуются с маленькими плёсами, а в конце плёсы несколько больше по своим размерам, кроме последнего *из них*, с весьма ощутимым, можно сказать быстрым, течением. Вернулся около *десяти часов*. Проявлял *плёнку*, печатал фотокарточки, а так же готовился к обратной дороге. Выезжаю завтра. Итак программа намеченная в Ерёме, после неудачи с лодками в Преображенке исчерпана. О реке Большая Ерёма до *самого* Алтыба теперь имелось, *можно сказать*, полное представление, об Алтыбе, хотя он для меня остался, *по сути*, белым пятном тоже кое-что стало известно. По крайней мере, я *видел, что* после *пройденных мной там* порогов просматривался далее плёс длиной более 1 км. Также найдена «Коненкинская воронка» и произведены в ней некоторые работы.

Решил взять с собой в Москву, один кедр высотой 10 см и проросшую кедровую шишку с тонкими зелёными, *выстой не более 5 см*. Выкопал кедр. «*Большой кедр*» поместил в полулитровую стеклянную банку вместе с грунтом, в другую такую же банку поместил также с грунтом проросшую кедровую шишку.

17. 07.1973

Выехал в 5-00 МВ. В 6-00 фотографировал Верховое болото и «Коненкинскую воронку». Был у порогов в 6-30. Вышел с порогов в 12-00. Лодку с вещами дважды

заливало. *После порогов* до 12-30 обедал. Достиг первой после порогов избы в 13-45 и в ней остался ночевать.

18. 07.1973

Выехал в 5-15 МВ. В 6-20 был у Юкты, в 8-15 у Девано. Почти не грёб из-за дождя с 5-30 до 7-30. В 10-10 был у Коно, ширина на устье 3 – 3,5 метра...

В 10-50 подошёл к избе Ивана Евсеевича. До 13-00 там обедал, переждал дождь, который слегка моросил, но где-то шёл с громом и молнией.

В 15-45 был в Хомакашево на зимовьях. Ночевал в зимовье с закрытыми ставнями.

19. 07.1973

Выехал в 5-20. В 6-00 был в бывшем селе Хомакашево. Осмотрел местность. Осталось две полуразрушенных избы и яма от землянки. В 6-30 грибной ливень 10 – 15 минут. В 7-40 был у Бириями. В 9-15 прошёл порог Орокан, как перекат. Через полтора часа прошёл избу Ивана Евсеевича с разобранной крышей и пристал у порога Манго, где я встретился, поднимаясь вверх с геологом Овсянниковым. Его там не было. Два дня назад он вылетел в Преображенку. У порога был разбит лагерь геологов.

Когда прибывшим туда коллегам Валера Овсянников рассказал, что тут один турист прошёл вверх не под мотором, а на вёслах, ему просто не поверили. Теперь они молча смотрели на меня, около десяти человек, стоящих в два яруса – первый ярус удил рыбу, а второй ярус наблюдал за этим процессом. Они даже забыли от неожиданности моего появления, что перед этим занимались рыбалкой.

После разговора с Манго, случайно узнав, что недалеко отсюда находится провал, который искал Коненкин, решил сделать рейд к «сонару», то есть к провалу 40 x 40 x 20 метров. Всего, как мне сказал Манго, отсюда было 8 км до устья ручьев (Левого и Правого Сонаров). Около 15-ти МВ пошёл и вернулся около 22-х МВ, ничего там не обнаружив и немного проплутав по геологической просеке.

Решение идти в столь позднее время, было принято ещё потому, что геодезическим отрядом, примерно в 100 метрах от стоянки геологов, почти «до самого места слияния Правого и Левого Сонаров, была прорублена просека для геофизиков, в направлении с запада на восток. Через равные промежутки времени на ней даже были установлены вешки, на открытых безлесных и заболоченных местах. Сначала я почти бежал по просеке, но потом, для удобства, достал компас и, выбрав направление на восток, стал ориентироваться по немецкому жидкостному компасу, но вскоре убедился, что я начал отклоняться от просеки к западу. Пришлось снова вернуться к просеке и взять направление на восток. Через некоторое время я снова понял, что стал опять отклоняться к западу. Вернувшись снова к просеке, я положил компас в карман, и дальше бежал, уже ориентируясь только на просеку, и расставленные на ней вешки. Практически вся местность представляла собой безжизненное пространство, после большого пожара 1972 года. Иногда натыкался на сгоревшие большие муравейники, но, приблизившись к одному из них, рядом с чудом уцелевший во время пожара берёзой, я к своему удивлению обнаружил, что в этом муравейнике кипела жизнь. Теперь приходилось более внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить в гости к муравьям, но больше уцелевших во время пожара муравейников, я не встретил. Возвратившись в лагерь к геологам, на вопрос руководителя геодезического отряда, какой результат «ночного рейда», я ответил, что завтра повторю попытку, поискать «провал» с утра пораньше. В свою очередь я сказал ему, что,

судя по поведению компаса, складывается впечатление, что здесь может быть месторождение железной руды. Геодезист заинтересовался моим компасом, долго крутил его в своей руке, а потом сказал:

- Никогда бы не подумал, что по этой с виду игрушки, можно было установить, что я дал тут маху. Видишь ли, у меня забарахлила буссоль, но я понял, что ошибся градуса на два только тогда, когда мы уже закончили прокладывать эту просеку. Хотели прорубить просеку заново, но геофизики сказали, что такая погрешность, для их приборов, не имеет существенного значения.

Я высказал своё удивление, что встретил живой муравейник, но геодезист сказал, не знаю в шутку или в серьёз, что большие муравейники во время пожаров, часто остаются целыми, потому что муравьи справляются иногда с подступающим к ним огнём.

20. 07.1973 - 21. 07.1973

Сделал ещё две попытки обнаружить «Сонар». Второй раз облазил ближайшие горы. В третий раз шёл по абрису, уже зная координаты (получил от геологов, которые даже консультировались по рации с коллегами, которые работали в другом месте) от высоты 388, далее 2,5 км, А-288°. Поднявшись от развилки, (места слияния Сонаров), по левому ручью около 10 км, я свернул и пошёл по указанному мне азимуту, но, пройдя по нему 4 км, уткнулся в болото. Покрутившись около него, решил поиски прекратить, подумав, что по азимуту от произвольной горы, можно идти с тем же успехом и от Ерёмы.

После второй неудачной попытки найти «провал», я снова стал выяснять у Толика Манго, уже водя пальцем по карте, где всё-таки он вышел к нему или хотя бы, откуда шёл, потому что не в болоте же он пас своих оленей. Толик начал снова объяснять, потом явно запутался и, в конце концов, признался, что там он никогда не был.

22. 07.1973 - 24. 07.1973

Шли дожди. После последнего рейда к «Сонару» начал кашлять. Пил горячий чай, сгущёнку и в итоге выпечился.

Когда я пошёл на поправку, один из рабочих геологического отряда, решил мне показать, как он роет шурф. Траншея была уже глубиной около двух метров. С двух её сторон уже были два вала вынутого грунта, и было неясно, как можно дальше при помощи короткой лопаты выбрасывать из этой траншеи грунт, чтобы он не ссыпался обратно. Когда я спросил «горняка», так называли в геологической отрядах, этих рабочих, что он собирается делать с вынутым грунтом, - отбрасывать его дальше или будет копать другую траншею? - он мне ответил, что будет копать дальше, так как до скальной породы осталось всего полметра. И спустившись в траншею, показал, как теперь он будет выбрасывать грунт, через голову назад. Грунт вылетал из траншеи узкой полосой метров на пять, и со стороны могло показаться, что в траншее был не человек, а какое животное или землеройная машина.

Вернувшись в лагерь геологов, я выразил свое восхищение работой «горняка» начальнику геологического отряда, а тот, покачивая головой, сказал, - да за этими ребятами, нужен глаз да глаз.

- А. что, разве что-нибудь не так? - пришлось уточнить мне.

- Да, после двух метров, нужно делать опалубку, - объяснил мне геолог, иначе может человека засыпать. Как правило, редко здесь где шурфы превышают глубину более двух метров, но иногда случается, что могут достигать и до пяти.

Так у меня один раз было. Пошёл проверять работу на отдалённый участок, чтобы проверить, почему так долго один из рабочих, не может закончить свой шурф, а когда подошёл, то не знаю, как у меня сердечный приступ не случился. У меня даже голос пропал, когда я увидел на глубине около четырёх метров своего работягу. Чуть ли не шёпотом стал его звать, чтобы он поднялся наверх. Боялся, если крикну того, что может обрушиться грунт, а тогда не знаю, как бы мы его откапывали без экскаватора.

Геолог закурил и предложил мне подойти к одной из геологических палаток:

- Знаешь, с какими людьми здесь приходится работать, что ни говори, ничего не понимают и даже для себя ничего не хотят делать. Вот посмотри, один сделал себе нары, а у изголовья прибил обгоревшую чурку. Сам пачкается, вымазал спальник, но чтобы прибить чистую палку или обстругать эту чурку, то, сколько ему не говорил, всё равно этого не делает!

И то в прошлый год было у меня человек двенадцать хохлов, настолько жадных, что они решили в день обходиться одной банкой свиной тушёнки, чтобы во время расчёта с ними поменьше сделали вычет за продукты. Я спорить с ними не стал, ведь шурфы сам не копаю, только выдаю задание, да провожу анализы взятых проб и обнаруженных в шурфах минералов.

А что такое одна банка свиной тушёнки на день в ведре супа или перловой каши? Да, просто ничего. А после того, как поработаешь киркой или лопатой, то после такого обеда было неудивительно, хотя ребята были крепкими, что у них начала с голодухи начала кружиться голова. Увеличили норму сначала до двух банок, а потом довели до восьми в день – по четыре и в суп, и в кашу. Хорошо, что ещё в тот год можно было поймать иногда рыбу, подстрелить глухаря или утку, а то, наверное, им и 12 банок в день, тогда бы не хватило.

Но эта бригада хохлов золото по сравнению с теми, кем порой комплектуются геологические партии. Штатное расписание утверждается где-то в конце апреля, а в мае нужно уже комплектовать отряды. А где за короткий срок набрать столько народа? Вот и отправляют уполномоченных на Ангару. Есть у нас там место с полузатопленными, списанными баржами и речными судами. Уполномоченный находит одну из барж, где он уже интуитивно догадывается, могут зимовать «бичи» (бывшие интеллигентные люди) и начинает стучать ногой по люку. Люк открывается, из проёма показывается голова с впавшими скулами, и с выражением лица, уставшего от жизни человека, и оттого возмущающего, что ему помешали отойти в мир иной:

- Чего припёрся? И какого х...я, тебе здесь надо!

Уполномоченный предлагает работу в геологической партии, называет приблизительно место, где придётся работать, как будет производиться оплата, и самое главное, через сколько дней они уже получат аванс.

- Сколько человек нужно, - только спрашивает «бич», который явно там у них за главного, и когда узнает, что нужно человек двести, говорит, - хорошо, завтра будем в конторе.

Он даже не интересуется адресом конторы, так как уполномоченные наведываются туда каждую весну и куда идти все «бичи» прекрасно знают.

Начальники партий боятся только одного, как бы кто не написал мелом на ближайшем заборе: «Ребята, вас здесь об...бут» и тогда можно ставить крест на быстром развёртывании работ, если вообще не сорвать все запланированные работы.

Утром горожане могут наблюдать шествие к геологической конторе странных оборванных личностей, с явными признаками дистрофии, которые ещё удивительно как могут передвигать ноги. Конечно, толку от этих работников никакого, но геологическое начальство нашло выход и поэтому мне больше не

кажется странным, что геологические посёлки всегда располагаются в труднодоступных местах, от которых до ближайшего населённого пункта не каждый человек может без риска для жизни самостоятельно добраться.

Вот в эти места и доставляются эти «работники», после того как они пропьют выданный им аванс, где их не меньше от недели до десяти дней сначала откармливают, чтобы могли держать в руках лопаты и работать киркой, а потом распределяют по геологическим отрядам.

Видно у геолога очень сильно наболело на душе и в моём лице, он нашёл такого человека, перед которым можно было поисповедоваться:

- И вообще, я не могу понять наших начальников отделов кадров. Кого они нам только не присылают. В этом году прислали вообще больного человека, с явными признаками ожирения, весом больше двухсот килограмм. Повёл я его на работу в трёх километрах от нашего лагеря, не прошли и полпути, как этот «горняк» сел на пень, бросил на землю инструменты и сказал, что дальше идти не может и если упадёт, то уже наверно не сможет подняться. Тут уж я по-настоящему испугался, - а что, если он действительно упадёт и что я, потом, буду делать с этой тушей. Посидели мы с ним час. Потом я взял инструменты (кирку с лопатой) и его сумку с продуктами и пошёл с ним обратно. Что я высказал затем по рации своему начальству, они мне наверно никогда не простят. Но этого работника не отозвали, а сначала посоветовали использовать его в качестве повара. Правда и повар из него не получился, потому что его нужно было несколько раз в день водить на реку мыть руки. Тут уж даже непривередливые в этих местах к приготовлению пищи люди начали возмущаться, да так, что этого работника пришлось срочно отправлять на вертолёт к нашему геологическому начальству.

Рассказам геолога, казалось, не будет конца, но нас позвали ужинать, а там после чая, уже пора было расходиться по палаткам. Я пошёл к палатке Валеры Овсянникова, где ночевал все эти последние дни.

Следует снова отметить, что к этому времени я попал в довольно странное для путешественника положение. Имея более 40-ка двухсотграммовых банок югославской колбасы и чешского печёночного паштета, я после третьей банки паштета и пятой банки колбасы получил такую изжогу и такое отвращение к этим мясным деликатесам, что старался на них даже не смотреть. Эти деликатесы явно были предназначены для закуски, после выпивки, но не для постоянного употребления. Поэтому я предложил геологам произвести обмен за каждые мои две банки деликатесов, по одной банке, из имевшихся у них консервов - тушёнки, сосисочного фарша, мясного паштета и сгущёнки. Предложение было с радостью принято и чувствуется, что эти импортные банки, содержимым которых я уже не раз их угощал, они поделили между собой, как заморские в ярких обёртках сувениры, возможно, даже для того, чтобы отвезти домой.

25. 07.1973

Выехал в 5-50 МВ.

8-50 - устье реки Сонар, ширина 3 метра.

С нескрываемым удовольствием съел прямо в лодке банку сосисочного фарша отечественного производства, вспомнив басню Сергея Михалкова в том, теперь мне хорошо понятном, смысле, «своё бранят, чужое хвалят, а сало русское едят».

10-45 – Кирикан.

13-00 – Был у порога, собирал халцедоны, небольшие по размерам и разнообразные по цвету.

14-30 – был в избе-полуземлянке.

18-30 – прибыл в Усть-Чайку. Посёлок был пуст.

26. 07.1973

Выехал в 8-15.

10-20 – был у порога с избой. Прошёл порог, не выходя из лодки, хотя и было страшно. В результате согнал меланхолию, поселившуюся в душе от монотонности плавания по плёсам.

Через 10 км прошёл также другой порог, более сильный (*больше первого*).

15-40 – был у Бура.

16-40 – прошёл Бур.

17-05 – подошёл после двух небольших перекатов к ПРК (*большому перекату*). За ним \approx в 1 км порог Евкит (*Авкит*).

17-20 – порог Евкит. Рядом с порогом у омута почти круглой формы – изба, самая лучшая на всей Большой Ерёме. Компас немного барахлит. Думаю более детально проверить это место в 1974 году.

27. 07.1973

Утром замерил в различных местах глубину омута \approx 2 метра. Вышел в 6-20. У Ворона встретился с рыбаками из Преображенки, которым помог перебраться через него. Как они потом признались, вдвоём дюральку им было бы не понять.

Следует отметить, что эта встреча имела странный характер. Когда я подплывал к Ворону, то увидел сверху, как к нему подплыла моторная лодка, на которой было двое мужчин и подросток. Лодка причалила к левому берегу, рыбаки не могли видеть меня на фоне торчащих из воды больших валунов. Подросток вышел из лодки, в которой стояло пара больших бочек, напоминающих градьильни в миниатюре, а мужчины повели лодку к порогу. К носу лодки был привязан шест. Один из мужчин тянул лодку, держась за перекинутую через плечо верёвку, а второй отталкивал лодку шестом от берега, к которому прижимало её быстрое течение. Неожиданно для них я приподнялся в лодке, чтобы разгрузить и провести её вниз, что привело рыбаков в явное замешательство. Они сразу же причалили лодку к берегу. Один из мужчин привязал лодку к вбитому кем там колу, а другой сразу же стал собирать лежавший на берегу сушняк, явно показывая, что намеревается развести костёр. Рыбаки явно были напуганы моим появлением, да и мне было не совсем по себе. Но делать было нечего, и я стал спускать вниз по порогу, пустую лодку, кормой вниз, упираясь ногами в дно, то, отпуская верёвку, а то наоборот, когда лодка налетала на камни, вытягивая её назад и направляя в другую протоку.

За порогом, недалеко от рыбаков, я вытащил лодку на берег и за две ходки перетаскал свои вещи. Поздоровался с рыбаками, узнал, что они приплыли из Преображенки порыбачить. Разглядывая их арсенал, состоящий из карабина, двустволки малокалиберной винтовки и основную «снасть» состоящую из двух деревянных бочек, у которых дно было шире, закрывающих их крышек, я понял, что рыба явно должна быть с рогами. Когда они поинтересовались кто я, то на всякий случай решил соврать, что я из геологической партии, плыву в Ерёму, а оттуда должен слетать в Ербогачён, чтобы ускорить заброску необходимого там снаряжения и продуктов.

- А много ли там работает народа? – поинтересовались они.

- Да нет, - успокоил их я, - всего человек двести. «Мужики» переглянулись и решили уточнить, где развернула работы моя геологическая партия.

- Недалеко от Хомакашева, - ответил я, и лица рыбаков сразу просветлели.

- Мы так далеко не собираемся, вот решили на Большой Чайке порыбачить, - сказал один из них седовласый мужчина, с внешностью партийного работника, как будто сошедшего с экрана кинотеатра или телевизора, положительного персонажа.

- А зачем так далеко, - переспросил я, - можно и здесь наловить рыбы, щука сама готова из воды в этом году выпрыгнуть, не то, что, если ей бросить блесну. – Могу, если хотите помочь, только дайте блесну, а спиннинг у меня есть.

Мне было интересно, как отвернутся от моей услуги «рыбаки». Но это им удалось, что можно только удивляться изворотливости русского мужика даже припёртого, на месте преступления, к стенке.

- Нет, щука нам не нужна, хотели бы наловить язёй или ещё более благородной рыбки, - последовал ответ, но я понял, что тут имеется в виду, не запрещённый в этих местах, лов сига.

После того, как простился с «рыбаками», встретил старика эвенка с женой. Немного поболтали, и я поплыл дальше. После чума эвенка ≈ в 5 км от Ворона, встретил Мишу из Ерёмы, который плыл к деду. От него я узнал, что у избы находятся москвичи из института леса. Там я с ними и встретился, а Миша не найдя деда, возвратившись назад, предложил подбросить меня в Ерёму. Последние 17 км я уже можно сказать отдыхал в его дюральке (моторной лодке).

28. 07.1973 – 30. 07.1973

Жил в Ерёме у Юрьевых. Молодые (Костя с Галей) были в Братске. Дома осталась только Клавдия Ивановна (мать Кости), которая очень плохо себя чувствовала, у неё болели руки. У неё в доме меня навестил Василий Семёнович очевидец падения ТМ (Тунгусского метеорита). Говорил, что подобно мне, никто ещё так далеко без оружия и собак, не забирался, да и имея всё это врятли б решился всё равно. Сам он доходил только до Усть-Чайки.

31. 07.1973

Через Преображенку, Непу, Чечуйск и Киренск добрался до Иркутска. В Непе познакомился с туристами из Ленинграда.

Может показаться, что я что-то напутал, упомянув Чечуйск в качестве промежуточной посадки, и дотошный исследователь, изучая маршруты полётов тех лет, скажет да разве можно верить какому-то дневнику, когда это не подтверждается официальными документами. Но всё было действительно так. В том рейсе вместе с двумя полётами летел ещё, то ли инструктор, то ли какой-то их начальник, который сидел во время полёта на цепочке, пристёгнутой между двумя креслами пилотов. Когда вылетели из Непы, он видимо, чтобы размяться, минут через двадцать вошёл в «салон» Ан-2 и, обратившись к пассажирам, спросил:

- Ну что, все тут летят до Киренска?

В салоне засмеялись, потому что по маршруту, уже не было других населённых пунктов, кроме одного Киренск. Только сидевшая со мной рядом женщина с ребёнком, не без грусти в голосе, сказала, что ей надо в Чечуйск и в Киренске придётся с ребёнком ночевать на дебаркадере в речном порту, и уже утром на «Заре» добираться до дома. Смех сразу прекратился, а «инструктор» с невозмутимостью в голосе, ответил женщине:

- Что же не предупредили пораньше, но ничего, сейчас высадим вас в Чечуйске.

Инструктор отправился в кабину пилотов, что-то сказал им и самолёт, сделав небольшой разворот, пошёл на посадку. Как только мы приземлились в Чечуйске, и

не успела ещё женщина с ребенком выйти из самолёта, как из какого-то сарая, недалеко от «аэропорта», выбежали с рюкзаками двое мужчин и, теряя на бегу вещи, которые в спешке, видимо, не успели упаковать, буквально через минуту оказались у самолёта. Попросив минуточку подождать, один из мужчин, толком не отдышавшись, побежал подбирать упавшие вещи, а второй что-то силится объяснить «инструктору», но тот, не вникая в смысл его слов, махнул рукой, давая понять, что берёт их на борт.

1. 08.1973

Ходил с туристами по Иркутску, отправил с ними байдарку. Изучал формальности отправки грузов. Около 9 часов МВ распрощался с ними. Они полетели на Ольхон. Купил сигареты и блёсна, обещанные Овсянникову и отправил ему. Написал письмо Насте (*девушке, с которой познакомился в поезде, когда ехал в Иркутск*). Её письмо и перевод от матери, получил ещё утром. О письме... (*на этом записи в дневнике прерываются*).

2.08.1973

(Записная книжка)

Отрадно было слышать, после Красноярска, по радиотрансляции поезда, что под Ванаварой развернули работы комплексные экспедиции. Особо было подчёркнуто, что вероятно дело здесь не в метеорите, а в маленькой комете. «Учёные» ведут поиск к югу от посёлка, где большая вероятность найти что-нибудь. 10-35 МВ. Поезд Владивосток-Москва.

Что-же, я кончил сезон – они только начали. Пути разошлись навсегда.